

Камчатка, 2021

Сборы в дорогу

Сколько ни путешествуй, хочется ещё. И список мест, где обязательно нужно побывать, не уменьшается, а растёт. Камчатка была в этом списке ещё в «доковидную эпоху», и не последней. И вот пришла пора осуществить давнишнюю мечту.

На Камчатке уже побывало много наших знакомых, которые передали нам контакты, пароли, явки... Мы примерно представляли, чего бы нам хотелось. Посмотреть всю экзотику, которой славится Камчатка, но в то же время исключить физические перегрузки типа восхождений на вулканы.

Ещё весной мы заказали билеты и отель. Списались с одним из гидов, который заверил нас, что для нас индивидуально сделает программу. Но заранее ничего планировать нельзя, потому что на Камчатке всё зависит от погоды, а она непредсказуема. Лучше составлять расписание на месте (и это правильно).

Когда мы собирались, я получила сообщение от подруги: «Знающие люди говорят, что нужно взять снуд, поджопник и термос. И обязательно термобельё». Я отмахнулась – в гору мы не полезем, зачем это всё? Нас будут возить по смотровым площадкам, мы будем выходить из машины, фотографировать пейзажи и садиться в машину обратно. Я лучше возьму юбку и туфли, мы будем отмечать дни рождения в хороших ресторанах с видами на природу, вкушать морские деликатесы и пить вино. Какое термобельё?

Но, поскольку мы догадывались, что асфальт есть не на всех смотровых площадках, обычным кроссовкам добавилось ещё по паре трекинговых. И в последний момент я запихнула в чемодан тёплую куртку, так, на всякий случай (как выяснилось потом, не такая уж она и тёплая).

Когда мы в первый раз встретились с нашим гидом Виктором, он сказал, что в ближайшие дни в Петропавловске будет пасмурно и дождливо. Поэтому, пожалуй, можно начать с морской прогулки – там всё равно, какая погода, лишь бы шторма не было. А потом... Потом его друг, тоже гид, едет на Толбачик, в центр полуострова. Он сопровождает группу местных, петропавловских, туристов, и в его джипе найдётся для нас место. Это путешествие на несколько дней, жить нужно будет в палатке.

Ну, а почему бы и нет? На сайтах туристических компаний ничего про Толбачик не было. Название «Толбачик» мы слышали, но знали только, что это вроде вулкан. Наверное, будет интересно. А в палатке нам жить не привыкать.

Так в мой день рождения вместо ресторана с морепродуктами мы оказались в странном и необычном месте, где из знакомых глаз предметов были машина, костёр и палатка.

Но буду рассказывать по порядку.

На катере в бухту Русскую

Каждое утро, если нет шторма, из Авачинской бухты выходят маленькие и большие катера, которые прогуливают туристов по океану.

Но это утро было пасмурным и туманным, и наш небольшой катер был чуть ли не единственным. Не считая моторок, которые деловито сновали по акватории – это рыбаки-краболовы.

У нас на борту уже были большие живые крабы в контейнере. На обратном пути они были сварены и съедены. С шампанским.

Минут через сорок после отправления мы подошли к Старичковому острову, где расположилась огромная колония птиц. Название остров получил по имени птиц стАриков – их раньше было здесь много, а сейчас они практически исчезли. Зато есть изящные чёрные бакланы, нарядные топорки с ярко-красными клювами и лапами. Ну и, конечно, чайки, упитанные и громогласные. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон!» – воскликнул начитанный молодой человек из нашей маленькой компании пассажиров.

Камни, выступающие из воды, были плотно усеяны птицами. А на одном нежились нерпы. Правда, их было не так хорошо заметно среди серой мглы.

Птицы не обращали внимания на близко подошедший катер. Они такие катера и людей с телефонами видят каждый божий день, было бы им о чём беспокоиться.

Но главной целью морской экскурсии было посмотреть на китов и косаток, а для этого нужно далеко отойти от Авачинской бухты. Ходу больше трёх часов, за это время можно было позавтракать бутербродами с рыбой, пообедать горячей ухой, которую сварил помощник капитана, и даже поспать в каюте под пледом. Но мне не хотелось спать – я то посижу на скамейке на корме, общаясь с попутчиками, то переберусь на нос посмотреть на океан, то зайду в рубку поболтать со словоохотливым капитаном.

Капитан дал нам задание: высматривать в океане фонтанчики воды. «Погоня за Моби Диком», – прокомментировал эрудированный юноша.

Но никаких фонтанчиков на горизонте не было. На косаток тоже было мало надежды. Нам объяснили, что брачный сезон у них закончился в августе, тогда они резвились вовсю у берегов, а теперь могли уйти дальше. Если бы в море вышло больше прогулочных кораблей, вероятность встречи с косатками повысилась бы. Один корабль наткнулся, сообщил по радиации остальным, а те подтянулись.

И как только мы убедили себя в том, что нам не повезёт, появились косатки!

Косаток называют то китами-косатками, то дельфинами-косатками, то даже китами-убийцами. Косатки – это дельфины. А дельфины – это китообразные. Кроме того, косатки – хищники, так что все названия правильные.

Вот они, огромные (7-8 метров в длину), чёрно-белые, мощные и стремительные. Я перебежала с одного борта на другой, чтобы снять на телефон ролики. Фотографии, увы, не такие выразительные.

Биологи утверждают, что каждая семья косаток разговаривает на своём наречии, но есть и «интернациональные» звуки, которые используются для общения с другими семьями. Косатки очень хорошо обмениваются информацией.

Помощник капитана рассказал нам, что один из туристических катеров своим гребным винтом ранил косатку – не насмерть, но как-то повредил. И вот теперь косатки при приближении этого катера просто уходят. Я удивилась – что же они, «в лицо» его знают? Ну нет, конечно, они прекрасно различают звуки, и узнают «обидчика» по шуму мотора.

А потом мы увидели и кита! Чёрная спина, фонтанчик воды, вот он, как на ладони! Но сначала я просто смотрела, разинув рот, потом долго возилась с телефоном, и мне удалось снять только хвост – последний взмах перед уходом под воду. А если он уже нырнул, то вынырнет в двух километрах отсюда.

Ну не сфотографировали, зато посмотрели.

Зато сивучи – северные морские львы – лениво валялись на скалах, фотографируй сколько хочешь. На катер с людьми – ноль внимания.

В бухте Русской мы не высаживались, посмотрели издали. Но недалеко от неё для пассажиров катера было запланировано ещё одно развлечение – рыбалка.

На борту было приготовлено десять удочек, так что любой желающий мог принять участие. Я совершенно равнодушна к рыбалке, меня устраивает роль наблюдателя. А Вова взял удочку.

Всё, что требуется от рыбака, – надеть подготовленную наживку на крючок и размотать леску так, чтобы грузило коснулось дна. А теперь ждать поклёвки. И вытащить рыбу, сматывая леску обратно.

Если я правильно понимаю, капитан останавливает катер на месте, где, по его предположению, находится косяк рыбы. Поэтому большинству взявших удочку повезло в первую же минуту. Впрочем, рыбалка и длилась всего пятнадцать минут.

Вова тоже внёс свой вклад в наш будущий ужин – одна из

рыбок поймана им. Помощник капитана сказал, что это золотистые морские окуни.

Пойманную рыбу помощник капитана тут же очистил и пожарил. И это было невероятно вкусно!

Дорога на Толбачик

С морской прогулки мы вернулись домой в девятом часу. И только в десять я дозвонилась до гида Сергея, который не отвечал на звонки, потому что готовил машину к поездке. Он должен был забрать нас в половине шестого утра. Собственно, вопрос у меня был только один: что взять с собой.

– Спальники у вас есть? – сразу огорошил меня Сергей.

– Ну, видите ли...

– Понятно. Спальники я возьму. Перчатки, фонарики?

– Нет, понимаете...

– Хорошо, это тоже найдётся.

– Сапоги, термобельё?

Сапоги?! Термобельё?.. Я благоразумно не стала упоминать юбку и туфли. Сергей пообещал поискать какие-нибудь сапоги, а остальное... Что-нибудь придумается.

Ещё надо было поинтересоваться, куда упаковать вещи. Про чемодан, наверное, спрашивать не стоит.

– А можно взять дорожную сумку на колёсиках? Она поместится в машину?

– На колёсиках? Лучше разложите вещи по пакетам. И завтра выходите из подъезда в 5.30, я подъеду.

Рано утром Сергей был у нашего дома. Хмуро распихал наши пожитки в багажник здорового джипа, забитый по самое не хочу. Показал, как нужно подтянуться, чтобы взобраться на высокие сиденья. Мы поехали.

Сергей коротко и доходчиво объяснил нам, что водителя отвлекать нельзя. Когда дорога будет позволять, он будет рассказывать нам про Камчатку. Вопросы задавать только тогда, когда он разрешит. А в остальное время лучше помалкивать.

Без дополнительных пояснений было понятно, что Серёжа – бывший офицер, и, похоже, ходить мы будем строем.

Впрочем, про Камчатку он рассказывал много, интересно, а главное – с любовью, что меня и подкупило.

На Камчатке около 300 вулканов, и около 30 из них – активные. (Активным вулкан называется, если он извергался в историческое время – последние 3500 лет.) Остальные считаются потухшими или спящими. Про вулканы ничего нельзя сказать уверенно, поэтому точных цифр нет.

Мы ехали к вулкану Толбачик, который известен двумя недавними масштабными извержениями. Он входит в Ключевскую группу вулканов, расположенную практически в центре полуострова.

Сначала нас ожидали 300 километров хорошей – то есть асфальтовой – дороги, до села Мильково. После Мильково (где нам удалось купить вина на вечер и булку на обед) асфальт кончается, начинается гравийка – 200 километров. Связь, кстати, тоже исчезает.

Последний раз связь появилась в посёлке Козыревск, куда мы заезжали на заправку и встречались с остальными участниками поездки. Мне было немного грустно, потому что я не получу поздравлений с днём рождения – в Новосибирске только восемь утра, а в Москве – четыре. Почти четверо суток телефон будет работать только как фотоаппарат.

Мы встретились с ребятами из основной группы, которым Сергей должен был показать дорогу на Толбачик и провести экскурсию. Пять машин (шестая сломалась недалеко от Мильково), около пятнадцати человек, почти все местные, из Петропавловска. Средний возраст – 25-30 лет, и я немного приуныла... Нам за ними не угнаться. Но Серёжа сказал: «Что ты заранее переживаешь? Всё будет хорошо». Будем надеяться...

Нас ожидали, по словам Сергея, 56 километров плохой дороги, из них 18 – очень плохой. Дорога была действительно дрянной, и нам ещё повезло, что было относительно сухо. Но нельзя сказать, что мы в первый раз в жизни видим плохую дорогу. В Непале, например, было и похуже: при том же качестве грунтовок с одной стороны была пропасть, с другой – скала. Вот это было страшно.

А тут – да, для обычной машины дорога непроходима. Наша бы не проехала. Но джип Сергея, переделанный, усовершенствованный, поставленный на высоченные колёса, справлялся и с форсированием реки, и с экстремальным бездорожьем.

«Посмотрите, какой лес вокруг!» – призывал нас Серёжа.

Ну да, лес. Лиственницы с перекрученными стволами, каменные берёзы Эрдмана, тополя. Стволы тоненькие, деревца невысокие. Нам, чтобы посмотреть на лес, не нужно выходить из квартиры или даже вставать с дивана – просто в окно выглянуть, там будут и высоченные берёзы, и сосны, и ели. Но мы вежливо выразили сдержанный восторг.

«А какие здесь грибы! И подосиновики, и грузди!»

У нас дома в августе было просто нашествие белых грибов, великолепных красавцев-боровиков, какие там подосиновики?

Мы останавливались в лесу поесть ягод – сладкую жимолость, которая почему-то созрела только осенью, голубику и смородину.

Но когда же мы выедем из леса, и начнутся невероятные пейзажи, обещанные Сергеем?

Наконец-то лес кончается!
И вот это?! Вот это пейзажи?..

Чернота здесь – не земля и не песок. Это пепел, но не тот, который образуется от сгорания органики, а вулканический, состоящий из лапиллей – мелких кристаллов минерала лабрадорита. Во время извержения 1975-76 года Толбачик засыпал таким пеплом огромную площадь, 740 квадратных километров.

Дыхание Толбачика было таким горячим, что деревья... испеклись. Именно испеклись, а не сгорели. Неживые белые стволы и белые ветви. Целый лес. Он теперь называется «Мёртвый лес».

И жить мы будем в Мёртвом лесу, на вулканическом пепле. Ничего себе перспектива.

Сначала мы оставили группу молодёжи в глэмпинге, где были довольно комфортабельные шатры, столовая и чудо цивилизации – сортир. Впрочем, особенно привлекательным глэмпинг не выглядел, потому что как раз в момент нашего приезда на него спустилось облако, и всё оказалось в тумане.

Пора было и нам обустроиваться.

Толбачик. Лагерь

Мы расположились метрах в ста от глэмпинга, нас от него отделял только небольшой холмик. Вокруг никакого следа присутствия человека не было видно, было такое ощущение, что мы одни в пространстве.

Из безразмерного багажника Серёжиного джипа появлялись один за другим свёртки, пакеты, контейнеры, инструменты. И вот уже стоит наша маленькая палатка со всеми спальными принадлежностями, вырыта яма для костра, разложены стол и стулья, на белый ствол мёртвой лиственницы повешен умывальник.

Дрова для костра берём тут же, под ногами. По-хорошему Мёртвый лес жечь нельзя, но Сергей сказал, что мы соберём только упавшие ветки и притащим пару лежащих стволов. Они с 1975 года лежат на земле и не гниют. Горят, кстати, очень хорошо – чистый уголь!

Вода – дефицит. Здесь её взять негде, только то, что с собой в канистрах. Это на чай и на приготовление еды. Для гигиенических процедур – поллитра в день на человека.

Облако ушло, туман рассеялся, и местность вдруг перестала быть унылой. Мы уселись за столиком у костра праздновать мой день рождения.

Двадцать лет назад я представляла свой шестьдесят первый день рождения примерно так: венская кофейня с видом на Дунай или на Штефансдом. Кофе, шоколадный торт и взбитые сливки. Неспешное обсуждение утреннего посещения галереи Альбертина.

А знаете что? Я ни одной секунды не пожалела о том, что я вместо венской кофейни оказалась здесь, в Мёртвом лесу.

И не такой уж этот лес и мёртвый! Жизнеутверждающе зеленеет кедровый стланик. Упрямо тянутся вверх маленькие тополя. Пышно разросся ивовый кустарник, чуть тронутый красными и жёлтыми красками осени. Уже почти отцвёл сиреневый иван-чай, вечный спутник пожарщиц. К своему удивлению, я рядом с кустарником нашла настоящий маслёнок.

Почти пятьдесят лет назад землю засыпало толстым слоем чёрного вулканического пепла. Но природа берёт своё. На камнях первыми появляются лишайники. Потом частички почвы и семена заносятся ветром и облаками. И здесь когда-нибудь снова вырастет живой лес. Ну, если Толбачик позволит.

После заката наступила полная темнота, освещаемая только небольшим костром. Ничего не оставалось, как идти спать. Сергей сказал, что завтра обязательно нужно встретить рассвет, он начинается в шесть двадцать.

Рассвет на Толбачике

Ночь была ясной, а звёзды – яркими и крупными, такие можно увидеть только тогда, когда вокруг ни одного огонька. Под утро прошёл короткий дождь, и поначалу очень не хотелось выбираться из тёплых спальников. Но желание посмотреть красоты рассвета пересилило.

Над Мёртвым лесом раскинулась радуга.

И Мёртвый лес вспыхнул яркими красками.

Солнце выкрасило в розовый цвет снежные вершины вулканов.

Большая Удина – спящий вулкан – сквозь ветви деревьев Мёртвого леса. Что-то в этом пейзаже есть от картин японских художников.

Облака ушли, и Толбачик стал виден, как на ладони.

Толбачик – это на самом деле два вулкана: Острый Толбачик и Плоский Толбачик. Острый – это классический вулкан, конусообразный, с кратером на вершине. Но он как раз потухший. А буянит Плоский Толбачик, издали напоминающий плато.

Вулканы делятся на стратовулканы (конусообразные), вулканы типа Сомма-Везувий и щитовые вулканы. Плоский Толбачик – щитовой.

И механизмы извержений у всех разные. У Толбачика – извержения трещинные. Это означает, что лава, раскалённые газы, вулканический пепел извергаются не из кратера, а из многочисленных трещин по склонам. Впрочем, трещины могут появиться не только на склоне, но и в нескольких километрах от него. То есть теоретически на том месте, где стоял наш маленький лагерь, тоже может в один прекрасный момент разверзнуться земля.

Толбачик проявляет активность довольно часто. Извержение 1975-76 года было настолько внушительным, что получило собственное имя – «Большое трещинное извержение». Но в 2012-13 году произошло одно, не менее интенсивное, и ему было присвоено название «Юбилейное», в честь 50-летия института вулканологии.

В 1975 году из трещин лава выплёскивалась фонтаном, после чего весь дол Толбачика покрылся вулканическим пеплом и лапиллями (которые непостижимым образом забираются в кроссовки).

А извержение 2012 года началось в конце ноября. Лава потекла по склонам Толбачика, затопила огромную долину, в которой были домики вулканологов (к счастью, тогда уже наступил холод, и вулканологи уехали), уничтожила часть дороги. Те 18 километров очень плохой дороги – это проложенный не так давно путь в объезд.

Представляю, какое это было впечатляющее зрелище. Я пересмотрела все ролики, выложенные в Интернет разными людьми. Когда всё это началось, любопытные петропавловцы, несмотря на мороз, кинулись к своим джипам и помчались за 600 километров поглазеть на чудеса. Даже пришлось перекрывать дорогу.

Лава всё текла и текла, аж до сентября 2013 года, и вылилось её огромное количество. Нам предстояло сегодня это увидеть.

А пока у нас было экономное умывание и неожиданно роскошный завтрак, который приготовил Сергей. Подкрепиться перед походом.

Холодная и горячая пещеры

У Сергея была запланирована экскурсия по пещерам. Утром мы заехали в глэмпинг, чтобы забрать оттуда группу. И кавалькада в шесть джипов отправилась к месту начала похода.

Мы приехали на край лавового поля, к конусу, который называется Клешня. Конусы – это небольшие сопки, результат предыдущих извержений Толбачика. То есть место, где из трещины хлестала вверх лава, образуя конус.

В 2012 году этот конус преградил путь текущей лаве. Лавовая река окаменела, как будто под взглядом Горгоны Медузы. И конца не видно этой реке из камня.

Сергей нам выдал перчатки и трекинговые палки. Предупредил, что перчатки во время ходьбы снимать нельзя.

Сначала мы шли по тропинке вверх, взбираясь на Клешню. Но пришло время повернуть на лаву, и оказалось, что идти по ней очень тяжело. Трекинговые палки

здорово помогали, даже не представляю, как бы шла без них.

Я смотрю на небольшие ровные участки – лавоводы – с глубокой нежностью. Жаль, что они короткие, пять-десять метров. Ноги радуются, когда идёшь по этим лавоводам, но радость быстро кончается, и снова приходится карабкаться по беспорядочным нагромождениям.

Иногда застывшая лава образует прихотливые узоры.

Каким-то образом во время извержения под лавой образовались пустоты, и получились настоящие пещеры. Говорят, сначала их было шесть, но четыре обрушились во время землетрясений, которые здесь нередки.

Холодная пещера довольно длинная, и в ней уже (всего за восемь лет!) выросли сталактиты.

Мы были в нескольких сталактитовых пещерах в разных странах мира. Там горят цветные лампочки, выгодно подсвечивая затейливые сталактиты и сталагмиты. А ходишь там по лестницам и деревянным настилам.

В нашей Холодной пещере источником света был налобный фонарик. Идти же приходилось по безумному нагромождению огромных камней, то протискиваясь между ними, то перелезая с камня на камень.

Несколько девушек из нашей группы метров через десять повернули назад с возгласом: «У Елены дети уже выросли, а нам своих ещё растить и растить!»

Я, сама не зная почему, всё же поёрлась вперёд, думая только о том, что тем же путём придётся идти обратно, а эта чёртова пещера бесконечна!

Надо признать, что потолок пещеры был довольно красив и напоминал сотовые своды дворцов Альгамбры. Кое-где свисали сталактиты, жёлтые в свете фонариков. Но времени разглядывать эту красоту не было, нужно было не отставать от группы. В пещере есть разветвления, а заблудиться здесь... Об этом лучше не думать.

Мне было совсем не до снимков, сталактиты фотографировал Сергей.

Наконец впереди показался свет, но это был не выход из пещеры, а дырка в её своде. Там вся группа собралась, мы отдыхали, кто-то фотографировался. С удивлением я увидела под камнями пещеры внушительный слой льда. Не понимаю, откуда он там взялся.

Назад мы прошли тем же путём и с облегчением вывалились из пещеры. По лаве идти было ненамного приятнее, но хотя бы не во тьме.

Чтобы добраться до Горячей пещеры, нужно было вернуться к тропе, а потом снова ковылять по лаве. В Горячей пещере Сергей намеревался устроить «обед» с шашлыком из ананасов и сосисками, запечёнными прямо на камнях. Правда, в этой пещере нужно было некоторое время ползти на карачках.

Но женщины из нашей группы наотрез отказались лезть в пещеру, да и некоторые мужчины тоже. Мы с Вовой обречённо пошли за Сергеем – надо же «держать фасон»! Но тут же нашли отличную отмазку: у нас мгновенно от тёплого влажного воздуха запотели очки. «А вы что, не можете их снять?» – удивился Серёжа. Ага, снять. Как будто я их для красоты ношу, или чтобы умнее казаться. Без очков-то мне никакой фонарик не поможет.

Так что мы с лёгким сердцем остались ждать, пока рискованные парни вдоволь налазуются.

Пикника в пещере не получилось, но Серёжа сказал, что знает недалеко отличное место, где можно пожарить сосиски.

«Недалеко» – это только для него недалеко. Мне же этот путь – разумеется, снова по лаве – казался нескончаемым. Вдобавок ко всему нужно было идти вверх.

Я отстала от всей группы и остановилась отдышаться метрах в пятнадцати от цели. Сняла перчатку, чтобы сфотографировать пейзаж. Потом забыла её надеть и тут же была наказана. Задела пальцем за острый край лавы, и кожу срезало как бритвой.

Сижу, кровяшка хлещет, я тихо хнычу. На фиг мне нужны ваши сосиски, не полезу я наверх, побуду здесь. Тогда Серёга спустился ко мне и ругался всё время, пока меня перевязывал. Я было попыталась ему сказать, что не хочу никуда идти, но поняла, что сейчас меня будут гнать пинками. И сдалась, пошла.

Наверху уже всю жарили сосиски. Для этого нужно было просто раздвинуть камни практически в любом месте и опустить шампуры в образовавшееся отверстие.

Странно. Совершенно не чувствовалось, что под нами такая печка. Сверху было прохладно, да и ногам не горячо. Правда, Сергей предупредил, что слишком долго на одном месте стоять нельзя, а то подошва кроссовок может оплавиться. И в самом деле, если потрогать рукой камни, ощутишь, что они тёплые.

А виды вокруг мне понравились. После серой лавы разноцветные сопки, украшенные жёлто-зелёными пятнами лишайников, оказались очень живописными.

Да и сама лава, причудливо сплетённая и закрученная, тоже не выглядит скучной. Если бы не было так трудно по ней идти, любовалась бы и любовалась.

Каким родным и уютным показался мне наш маленький лагерь в Мёртвом лесу, когда мы вернулись! Ноги так устали, что я не хотела садиться на стул – боялась, что не встану с него. Но Сергей сварил нам вкусную уху, мы прекрасно поужинали и свалились спать.

Северный прорыв и кратер «Звезда»

После завтрака мы поехали в глэмпинг, чтобы собрать молодёжь и поехать на следующую экскурсию. Но выяснилось, что часть их группы рано утром ушла на Толбачик (восхождение можно совершить в течение одного дня), а остальные ещё даже не вставали. Сергей сказал, что мы не будем их ждать.

Я обрадовалась. Можно теперь не бежать изо всех сил, чтобы не отстать от остальных. Сергей сказал, что сегодня будет подъём на небольшую высоту Северного прорыва.

Северный прорыв – это конус, то есть горка, образованная лавовыми выбросами. В 1975 году здесь, в пятнадцати километрах от Толбачика, была ровная поверхность. И вдруг земля разошлась, возникла трещина длиной 600 метров, и из неё забил фонтан огня. А потом лава поднималась из трещины, перемешиваясь с породами земной коры, и сформировалась целая гора. Рядом с ней появилась целая цепь таких же конусов. Самый высокий из них назван конусом Горшкова, в честь советского вулканолога.

Чуть позже, во время того же Большого трещинного извержения, произошёл Южный прорыв. Он был ещё дальше от самого Толбачика.

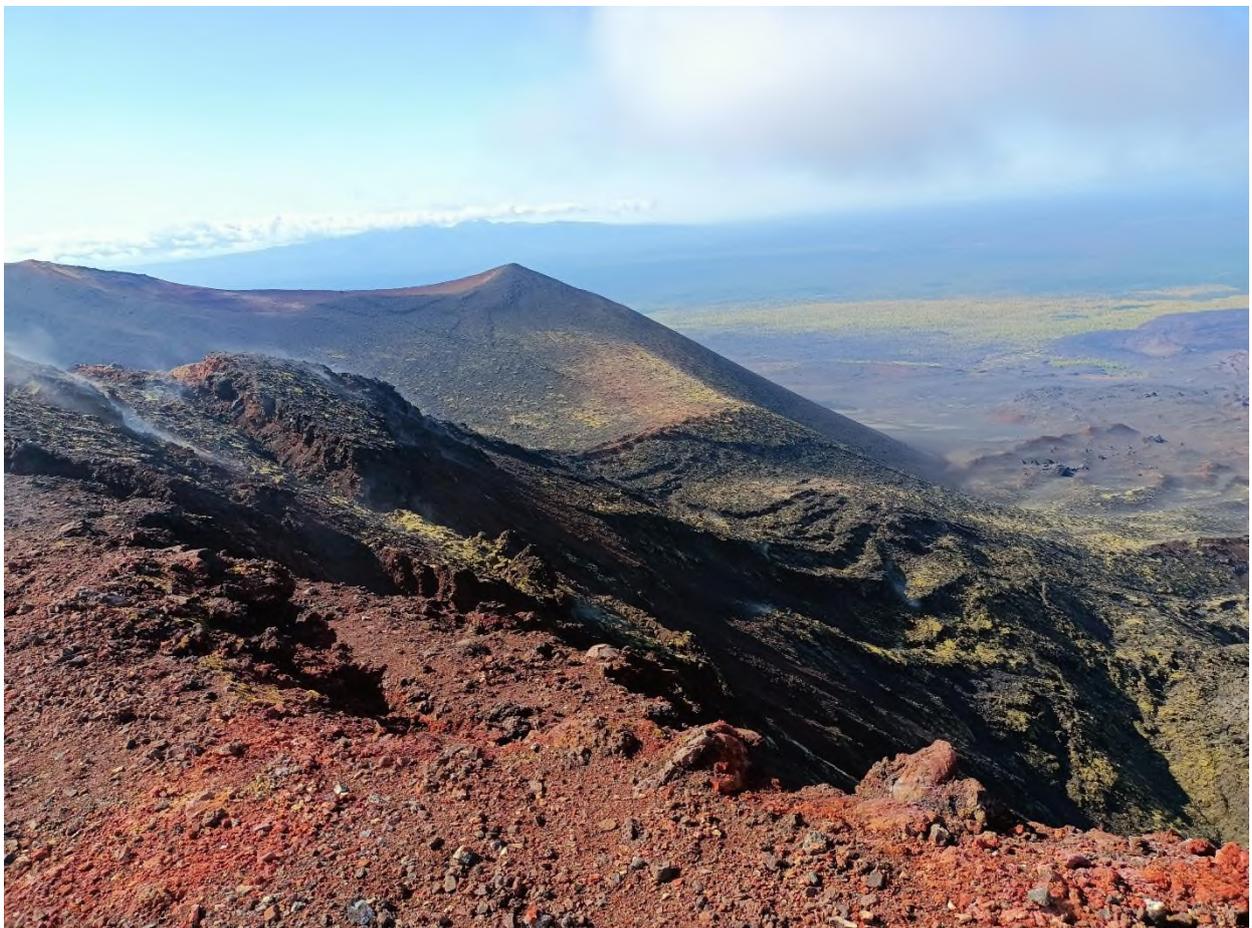
Вот так сидишь себе в каком-нибудь комфортабельном глэмпинге вроде бы на безопасном расстоянии от вулкана, и...

С гребня горы открывается чудесный вид на долину, расцвеченную бледно-зелёными пятнами лишайников.

Со дна небольшого кратера поднимался белый дымок. Казалось, что это тоненькая струйка тумана, оставшегося от облака, которое только что сюда спускалось. Но это не туман, а горячий пар. Здесь всё ещё продолжаются вулканические процессы.

Ближе к вершине чёрно-серые камни сменились разноцветными. Магма, сплавившись с горными породами, образовала несколько десятков минералов. Некоторые из них до этого извержения Толбачика вообще нигде не встречались.

Красные, розовые, жёлтые, фиолетовые, зелёные и синеватые камни. Я не обрабатывала снимки, они действительно такие яркие!

Я нашла камешек такого ярко-зелёного цвета, что сначала подумала, что его кто-то раскрасил. Но они здесь попадаются, и потом я выяснила, что это минерал эвхлорин.

Присев на камень, почувствуешь лёгкую вибрацию, «вулканическое дрожание». И ещё тут тоже можно печь сосиски в трещинах между камнями. А если засунуть сухую палку в такую трещину, она загорится.

Совсем неглубоко под нами горячая магма. Никто не знает, надолго ли притих Толбачик, когда ждать очередного катаклизма, и каким он будет. По некоторым признакам можно предсказать извержение, но не со стопроцентной вероятностью. Последнее, например, было для учёных «сюрпризом». Все почему-то верят, что следующего извержения можно ждать лет через тридцать, судя по статистике. Может быть...

После конуса Горшкова Сергей повёз нас на кратер «Звезда». К нам присоединилась молодёжь из глэмпинга.

С группой, которая поднялась на Толбачик, Сергей переговаривался по рации. Настоятельно советовал им начать спуск, но они беспечно и радостно отвечали, что всё успеют.

Кратер «Звезда» – это один из нескольких сотен конусов Толбачикского дола, появившийся давным-давно. Здесь есть туристический аттракцион: можно залезть в пещеру у подножия, проползти по ней, а потом вылезти в кратере. Решились на это только несколько парней, а остальная группа пошла наверх, чтобы спуститься в кратер обычным путём. Впрочем, я и ещё три благоразумные девушки решили вообще не спускаться, а посидеть наверху. Оттуда тоже всё видно.

Из маленького отверстия друг за другом появились довольные ребята, их радостно встречали.

Что ещё интересного в кратере «Звезда»? Если подняться на скалу над кратером, можно увидеть сразу одиннадцать вулканов Ключевской группы. Если облака позволят. Но облака не позволили.

Зато я сфотографировала отчаянно смелый куст рябины, растущий прямо на лаве. Рябина, кстати, здесь совсем не такая, как у нас – она не горькая!

Мы вернулись в лагерь, и Сергей приступил к очередным кулинарным изыскам – запечённой рыбе. Было, кстати, очень вкусно.

Но Сергея беспокоило, что рация у группы, ушедшей на Толбачик, сдохла, связь была потеряна. А тем временем уже смеркалось. После заката, в девятом часу, наступит тьма.

Сергей переговаривался с теми, кто остался в глэмпинге. Половина девятого – никто не вернулся. Девять – их нет. Половина десятого... Сергей и ещё один товарищ из глэмпинга на двух машинах с рациями поехали их искать.

Серёжа, уезжая, вручил Вове какое-то сигнально-шумовое устройство. Объяснил, что в случае приближения медведя нужно дёрнуть за кольцо. И мы остались вдвоём у костра, высматривая, не покажутся ли вдали фары машин.

Я волновалась – как там наши восходители? Им предстояло, спустясь с Толбачика, пройти по лаве. В темноте! При свете фонариков! Практически не видя ориентиров! Ужасно. А ведь там девчонки, причём без опыта таких восхождений. Вдруг кто-то повредил ногу? Вдруг потерялись?

Я не слишком боялась появления гипотетического медведя – просто потому, что волноваться о двух предметах сразу я не умею.

Но всё закончилось хорошо, примерно через час все вернулись. Ребята действительно заблудились, но не на Толбачике и не на лаве, а уже когда поехали в машинах к лагерю. Крик радости в глэмпинге был слышен даже у нашего костра.

Про медведей

Сразу скажу, что с медведями на Камчатке нам не повезло – мы их не увидели. Ну, или повезло, это как посмотреть.

У нас не было экскурсии, где на медведей смотрят из безопасного места и с приличного расстояния – как-то не получилось.

Но и незапланированных встреч тоже не было, слава богу.

Камчатский медведь по размерам сильно превосходит медведя, который обитает «на материке». Основная его еда – рыба.

К медведю относятся с уважением. В природных заповедниках часто приходится слышать: «Медведь здесь хозяин, а ты – гость». Медведь – символ Камчатки. Между прочим, их численность за последние годы сильно увеличилась.

Казалось бы, что в долу Толбачика медведям делать нечего – что они здесь едят? Тем не менее на территории дола, как нам сказали, живут два медведя, взрослый и подросток, у которого мускулы есть, а ума нет.

Во время нереста рыбы у медведя период жирования. Они собираются по берегам рек и озёр, чтобы наесться вдоволь. А потом возвращаются на «свою территорию» (которую они, кстати, метят кучками кашеки) для витаминизации. Едят ягоды. Ну и всё, что под руку попадётся.

В глэмпинге висит объявление: «Не выливайте в туалет остатки пищи, чтобы не привлекать медведей».

А нам Сергей сразу строго-настрого наказал, чтобы в палатке не было никакой еды, даже маленькой конфетки. Ну и та еда, что стоит у костра и стола, должна быть герметично закрыта. Оставлять ничего нельзя. Я как-то предложила доесть уху (которой было много для нас) завтра, и Серёжа посмотрел на меня, как на идиотку: «Ты не представляешь, какой у них нюх. Запросто может прийти, и костра он не испугается. А медведь в хозяйстве – вещь ненужная. И даже лишняя».

Собирая дрова для костра, я наткнулась на рассыпанные по земле пластиковые вилки и загорелась праведным гневом:

– Серёжа, ну ты посмотри! Какие-то суки здесь мусор оставили!

Сергей посмотрел внимательно:

– Это не люди оставили. Это мишка какой-то пакетик у туристов притырил и распотрошил. Нет, не трогай это руками!

Я пригляделась – и вправду, кусочки бумаги и фольги явно были разодраны острыми когтями.

Серёжа оставил страшилки про медведей на обратную дорогу, чтобы сильно нас не пугать. Но меры предосторожности, оказывается, предпринимал – посыпал периметр лагеря красным перцем и держал под рукой дудки и шумовые гранаты.

Ну, не встретили мы медведей, и хорошо.

Прощание с Толбачиком

Наступил день отъезда. На прощание сфотографировали все машины – ну, почти все, одна задержалась. Разъехались в разные стороны, мы в Петропавловск, остальные хотели ещё попутешествовать.

У нас было ещё впереди несколько экскурсий, в том числе Долина гейзеров, которую мы так хотели посмотреть, много красивых пейзажей, удивительных мест и интересных рассказов. И всё же каждый вечер, обсуждая дневные события, мы с Вовой единодушно приходили к выводу, что лучшее из случившегося с нами на Камчатке – это Толбачик.

Да, я там сильно уставала. Ноги хотели только одного – чтобы их оставили в покое. Но наш неугомонный гид Сергей (и спасибо ему) стремился показать нам как можно больше:

– Скоро восемь часов, мы подъедем во-он к той сопке, поднимемся и будем оттуда смотреть на закат.

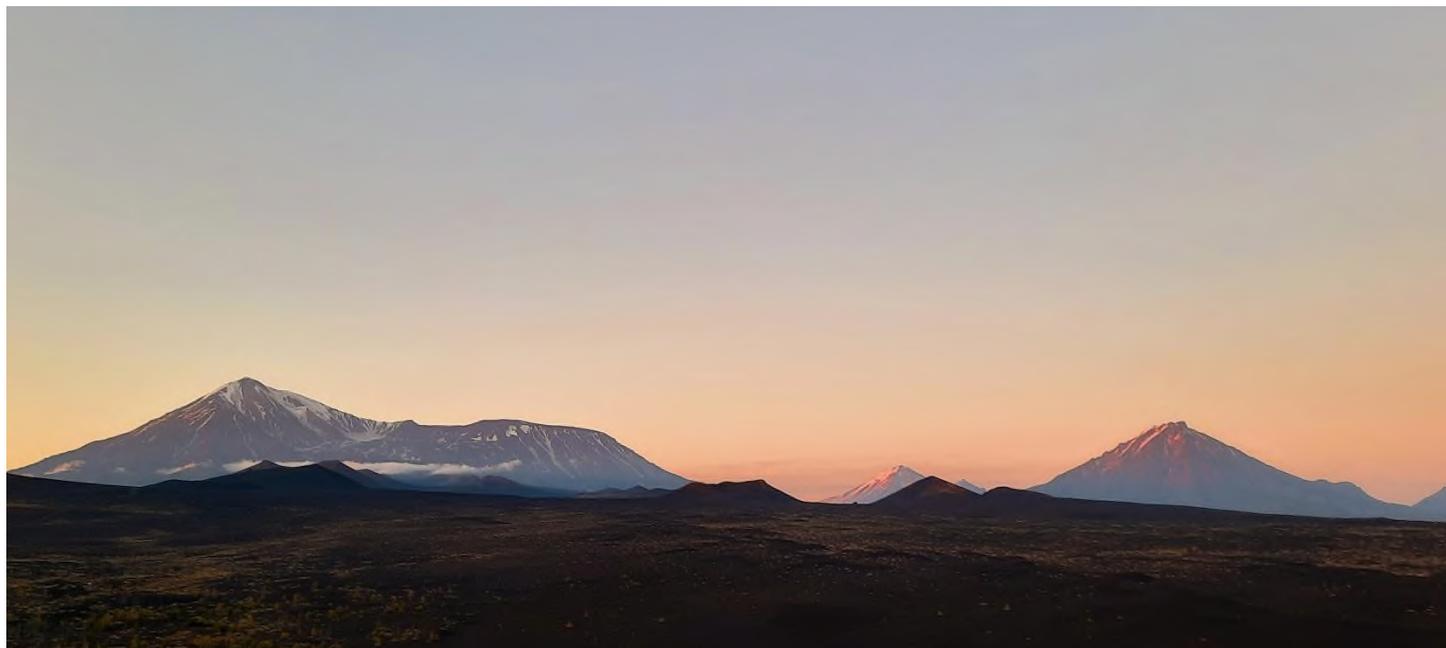
– А можно я останусь в лагере и посмотрю на закат отсюда? Ну ладно, я понимаю, медведи, безопасность... Но тогда поедem все вместе, я подожду вас внизу в машине, а вы подниметесь, и Вова сфотографирует закат, а я потом...

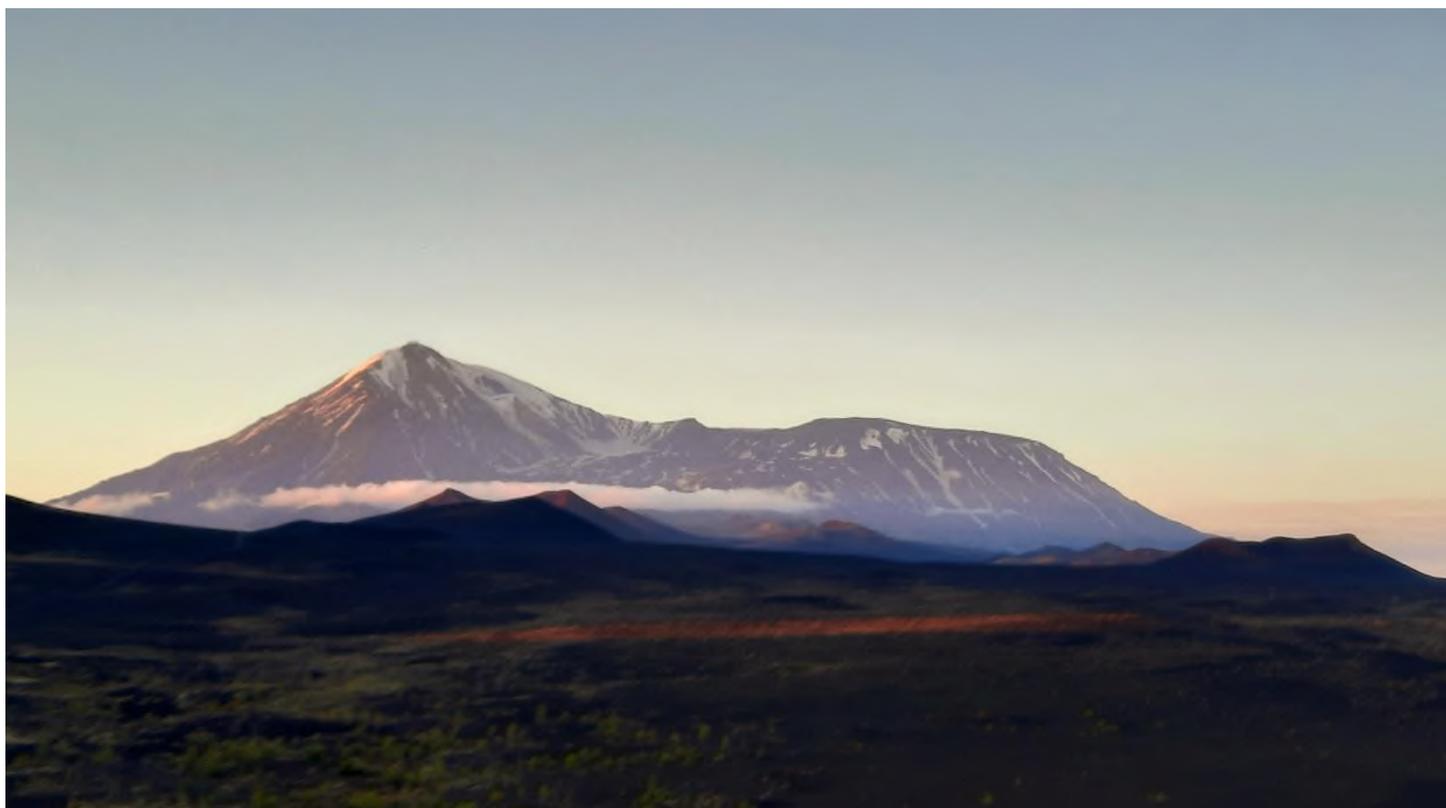
– Ты слишком много говоришь.

– Серёжа! Я устала! Я не поднимусь!

– Я тебе дам трекинговые палки.

...Закатное солнце делает яркими жёлтые пучки сухой травы и сиреневый иван-чай. Юный зелёный лес внизу. Чёрные лавовые конусы. Дальние вулканы на горизонте, а рядом – Толбачик с Большой Удиной.

И всё же мы видели более живописные закаты. И куда более живописную природу, где вода была аквамариновой, небо – бирюзовым, горы – белоснежными, зелень – пышной, а красота – нестерпимо безупречной. Где душа наполняется радостным восторгом. Такие открыточные пейзажи один наш знакомый называл «красивками».

Что же притягательного здесь, в этом странном месте? Серые потоки лавы?

Вова мне сказал однажды: «Мы с тобой как-то неправильно фотографировали. Фотографии вообще ничего не передают».

Ну да, мне жаль, что какие-то интересные и затейливые участки лавы я не сфотографировала, потому что в тот момент была озабочена только одним: как по ним пройти и не упасть. Но дело совсем не в этом. Невозможно передать величие и безбрежность этой лавовой реки.

Ну, а грандиозность океана, скажем? Разве можно это сфотографировать? Но океан на фотографии человек видит сквозь призму своего жизненного опыта. Большинство людей когда-нибудь в жизни видели море. И воображение дорисовывает то, что осталось за рамками снимка, чтобы ты смог оказаться «внутри картинки».

А здесь? Как рассказать, что эта серая застывшая поверхность или необозримые чёрные поля вулканического пепла красивы, но другой, не открыточной, а древней и мощной красотой? Они не вызывают ни страха, ни уныния, ни отвращения, ни радости. А иные, может быть, более глубокие чувства, которые трудно описать привычными словами.

И как описать те ощущения, которые испытываешь, сидя ночью у костра? Когда кажется, что мы одни в мире. И слышно, как горит огонь.

Обычно пространство наполнено звуками, хотя мы этого не замечаем. Про город – понятно. Но когда летом вечером сидишь у костра, и тебе кажется, что вокруг тишина, всё равно слышишь то плеск воды, то шум веток, то гудение насекомых, то крик птицы.

Здесь – нет. В темноте угадываются вытянутые вверх белые стволы деревьев Мёртвого леса. Ни птиц, ни насекомых, ни голосов. Даже ветки в костре не шипят от сырости, мёртвые деревья безмолвны.

...Даже если бы в нашем путешествии на Камчатку был только Толбачик, этого было бы достаточно.

На обратном пути Сергей устроил мне экзамен:

– Самый высокий действующий вулкан Евразии?

– Ключевская сопка! 4800!

– Чем отличается эффузивное извержение от интрузивного? Что такое зона субдукции? Какова высота Толбачика? Перечисли коренные малые народы севера, живущие на Камчатке, загибай пальцы! А кто такой камчадал?

– Камчадал – это потомок казака и коренной жительницы Камчатки.

– Хорошо... А какая русская экспедиция описала Камчатку и когда? Я этого не рассказывал, сама должна знать.

– Ммм... Дежнёв?

– Двойка по истории. Экспедиция Атласова. Конец семнадцатого века. Учи матчасть.

Наконец-то появляется связь, я звоню нашему главному гиду Виктору, чтобы узнать, когда и куда мы едем завтра. Возвращаемся в Петропавловск. *Продолжение следует*